

ДИМ ДИМЫЧ КОЛЕСНИКОВ

БАБА ЯГА НА УДАЛЁНКЕ

или зелье для нервного начальника

ДимДимыч Колесников

Баба Яга на удаленке, или зелье для нервного начальника

<https://litres.ru/73891971>

SelfPub; 2026

Аннотация

Яся Ветрова — идеальный офисный планктон. Её жизнь - это работа, которую она терпеть не может и начальник, который терпеть не может своих подчинённых. Всё летит в тартарары, пока она не получает письмо от кота (Это что шутка такая??). Из письма она узнаёт что ей оставили наследство.

Яся едет разбираться с личными делами, переведя себя в режим «На удалёнке», с удивлением открывая для себя магический мир.

Теперь Яся мечется между двумя мирами. Днём — совещания и отчеты. Ночью - кот абьюзер, старый ворон с советами двухсотлетней давности, кикимора с бессонницей, водяной со своими проблемами, и леший - инженер на всю голову. А тут ещё комиссия из Нави с проверкой. И лесник - ветврач Иван, от которого у Яси кипят не только зелья.

Весёлое, тёплое, очень человеческое фэнтези о том, как не потерять себя между дедлайном и магией.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	62

ДимДимыч Колесников

Баба Яга на удаленке, или зелье для нервного начальника

Глава 1

Петрозаводск, рекламное агентство «Креатив-Баттл», среда, 10:47 утра.

Ярослава Ветрова сидела в офисе, который пах нагретой пластмассой, перемолотыми зёрнами низкосортной арабики и коллективным отчаянием дедлайна. Пахло именно так - отчаянием упущенных сроков сдачи рекламного проекта с нотками ванильного аромата из дешёвого освежителя воздуха, который начальник купил на распродаже и теперь всех убеждал что для их клиентов, этот запах будет символизировать «корпоративный дух свежести и близости к природе».

На её мониторе в седьмой раз за два часа редактировался визуальный ряд для фирмы «Мясной рядь», которая с завидным упорством пыталась совместить в рекламной кампании своей колбасной продукции концепцию любви к природе, оптимизации затрат, и безотходное производство счастья

для настоящих гурманов.

Начальник фонтанировал: «Сделайте счастье зелёным! - гласила первая идея от Бориса Борисовича. - Нет, не так. Пусть счастье будет безотходным! Или вот: При производстве этой колбасы ни одно животное не пострадало!»

Яся уставилась на мигающий курсор и почувствовала, как где-то в глубине её уставшего от абсурда сознания тихо заскулил маленький щенок логики. Колбаса. Безотходное счастье. Животные, которые не пострадали, но каким-то чудесным образом превратились в варёно-копчёную эко-радость. Это вообще как?

- Ветрова, вы спите? - над ухом раздался голос начальника, от которого у Яси рефлекторно свело плечо. - Где драйв? Где синергия? Где горящие глаза творца? Я просил драйвовую синергию, а вижу скучную статику процесса!

Борис Борисович Кукушкин, пятидесяти двух лет от роду, с животом, туго перетянутым ремнём с пряжкой в виде орла, и с лысиной, которую он пытался зачесать набок, стоял прямо за её спиной. От него пахло парфюмом, бывшим модным лет 20 назад, а сейчас вызывающим тоскливое зелёное уныние, но никак ни счастье и драйв.

- Борис Борисович, - Яся повернулась и выдавила профессиональную улыбку, под которой скрывалось желание превратить его раздражающую физиономию в тыкву, - мы не можем написать, что колбаса - это безотходное счастье, потому что

- Не надо «потому что», - перебил он, поправив очки. - Реклама - это магия, Ветрова. Вы должны создать чудо. Чтобы клиент посмотрел на эту - он ткнул пальцем в экран, - сосиску и понял: да, я хочу, чтобы в моей жизни были гармония, счастье и экологичные продукты!

Из соседнего отсека донёлся приглушённый всхлип. Это плакала Анечка из отдела контекстной рекламы. Её третью неделю заставляли поднять просмотры и кликабельность «зелёного колбасного счастья». Анечка не высыпалась, пила энергетики, но просмотры не поднимались, а кликабельность не росла. Пользователи сети активно игнорировали данный пищевой продукт, и теперь её тушь текла чёрными дорожками, напоминая Ясе ручки после майского половодья.

- К понедельнику, Ветрова, - бросил Борис Борисович и грациозно, как раненый бегемот, отплыл к своему кабинету со стеклянными стенами, где его уже ждала секретарша Леночка с ежедневным отчётом о расходе скрепок и туалетной бумаги.

Яся вздохнула и уставилась в окно. За стеклом высотки было видно Петрозаводск - серый, деловой, с бесконечной вереницей машин, которые ползли по Онежской набережной. Вдали, за крышами, угадывалась полоска Онежского озера - свинцовая, холодная, но свободная.

«Бред. Это всё какой-то сюр и бред. Сбежать бы отсюда, - подумала Яся. - В лес. Чтобы тишину прерывали только птички или шум дождя. Чтобы трава настоящая, а не этот

фикус в кадке, который поливают раз в квартал, но он всё равно живёт, назло всем законам ботаники. Срочно захотелось включить хотя бы звуки природы в наушниках».

Она даже не заметила, как её рука потянулась к смартфону на столе. И в этот самый момент, когда палец почти коснулся экрана, в офис вошёл курьер.

Белая плоская коробка с яркой наклейкой на фоне серых икеевских стен казалась пришельцем с другой планеты. Но пришельцем необычным. Потому что из-под скотча торчала веточка - живая, зелёная, с парой набухших почек, которые явно распустились только пару часов назад.

- Ветрова Ярослава? - курьер глянул на бланк. – Заказное отправление. С уведомлением.

Она расписалась, чувствуя, как от посылки тянет лесом? Не тем дезодорированным «лесным ароматом» из автомобильного освежителя, а настоящим - прелым листом, влажной корой и чем-то острым, похожим на мяту, только с привкусом железа.

Внутри коробки, на дне, вместо привычного пенопласта лежали сухие еловые лапы. А поверх них - конверт. Старый, желтоватый, из плотной бумаги, какую сейчас разве что в музеях под стеклом хранят. На конверте тушью, с завитушками, выведено:

«Ярославе Ветровой. В собственные руки. Отправить с курьером, но только если он не рыжий и не в полнолуние».

Яся нервно сглотнула. Обратный адрес гласил: Лесной ту-

пик, деревня Медвежий Угол, избушка б/н.

Коллеги за соседними столами не обращали внимания - они привыкли, что Ясе иногда приходят странные посылки. В прошлый раз была банка солёных груздей без обратного адреса и с запиской «Помяни, Ягодка, деда Егора». Яся тогда долго думала: дед Егор - это кто? Бабушкин брат? Сосед? Или тот лохматый непонятного возраста дед с прозвищем Леший, который в детстве поставил ей синяк под глазом, когда она полезла в дупло его дуба за конфетами? Или это было не прозвище???

Она разорвала конверт. Внутри лежал лист - не бумага, а какой-то тонкий пергамент, почти прозрачный на просвет, с неровными краями, будто его выдрали из книги то ли зубами, то ли лапами. И пахло от него так необычно и непривычно, что все коллеги на три метра вокруг обернулись.

В аромате витали грибы, возможно даже мухоморы. И ещё что-то - можжевельник, дым, старая печь и немного кошачьей шерсти.

Яся развернула письмо.

Почерк был корявый, с нажимом, буквы прыгали, словно пьяные домовые на печной заслонке.

«Ягодка наша, Ярослава.

Прабабка твоя, Ягиня Ветрова, третьего дня преставилась. Прямо за зельеваром сидела, помешивала, и - бац! - готово. Ушла видать к царю небесному в гости на рюмочку. Сказала перед уходом: Кот, передай Яське: избушку не бро-

сать. Лес ждёт хозяйку.

Так что приезжай, наследница. Ключ под крыльцом, но не тем, что спереди, а тем, которое к лесу. Шучу. Они оба к лесу. Под первой ступенью справа. Если не найдёшь - ищи под третьей. Если и там нет - значит, домовый утащил. Тогда стучи три раза в дверь и скажи: Хозяйка идёт, отомкнись.

Ждём.

Кот Баюн.

P.S. Привези лосося. Свежего, не мороженого. И сметаны.

P.S.S. Корпоративную симку для связи с запредельными клиентами я уже оформил, она в тумбочке у окна, рядом с прабабкиными очками. Не потеряй. Там безлимит по ночам на звонки в Навь».

Яся перечитала письмо три раза. Потом четвёртый - чтобы убедиться, что у неё не начался нервный срыв с галлюцинациями на почве колбасной синергии.

Прабабка. Какая ещё прабабка? У неё была бабушка Вера, которая жила в деревне под Вологдой, пекла пирожки и ругалась на советскую власть. А про какую-то «Ягиню» она слышала впервые.

Хотя Нет. Погодите.

В детстве, когда Яся гостила у бабушки Веры, та иногда, выпив для храбрости рюмочку настойки и закусив солёным грибочком, шептала на ночь странные истории.

«А прабабка твоя, - говорила бабушка, глядя в окно на тёмный лес, - не простой была женщиной. Лес её слушался.

Ветры. Звери. Даже грибы в её корзинку сами прыгали. Её в округе бабой Ягой звали, но не со злa, а с уважением. Кто заболевет - к ней. У кого корова не доится - к ней. А у кого муж в запой ушёл - тоже к ней. Потому что баба Яга - она не злая, она справедливая. Просто с характером. Как и ты, Яська».

Тогда Яся думала, что бабушка просто выпила лишнего и несёт фольклорную чушь. Теперь же, держа в руках письмо, пахнущее мухоморами, она начинала подозревать, что все эти семейные легенды были не совсем легендами.

- Ветрова, вы чего застыли? - окликнул её Коля из таргета.
- Там письмо от дяди из деревни? Дайте угадаю: «Приезжай, картошку копать»?

- Хуже, - пробормотала Яся, пряча лист в сумку. - Там наследство.

- О, даёшь! - Коля одобрительно кивнул. - Дача, наверное? Или квартира в центре?

- Ага. Избушка - развалюшкка на курьих ножках, - грустно пошутила Яся. - В лесу. С котом в комплекте.

Коля заржал и вернулся к своему экрану. Анечка из контекстной рекламы подняла красные глаза и прошептала: «Повезло тебе. У меня от бабушки остались только долги за коммуналку и старый сиамский кот. Характер просто жесть, худой и злой как дьявол, только и делает что спит, а как встанет поест немного, полакает водички из блюдца и шатаясь идёт и гадит мне в тапки. А выкинуть рука не поднимается,

он же с бабушкой столько лет прожил. Тоже, можно сказать – развалюшка на ножках».

Яся посмотрела на календарь. Две недели отпуска - накопленные за полгода работы почти без выходных - лежали нетронутым сокровищем в её графике. Она вдруг поняла, что сейчас самое подходящее время им воспользоваться.

Она открыла чат с начальником и набрала сообщение: «Борис Борисович, прошу срочный отпуск с завтрашнего дня. Семейные обстоятельства. Смерть прабабушки».

Ответ пришёл через тридцать секунд: «Какая ещё прабабушка, Ветрова? У вас в анкете ни одной прабабушки не указано. Вы обмануть меня пытаетесь?»

«Она была... дальней родственницей. Из лесу. Волонтерила, экотуризм развивала. Наследство мне оставила. Дом. Я представлю справку от участкового, если надо».

«Ладно, Ветрова, едь. Но результат к следующему понедельнику нужен! Так что, чтобы была на связи. Мы всё обсудим в зуме даже из твоей лесной глухомани. Никакое наследство не должно мешать непрерывности рабочего процесса под моим чутким руководством. Едешь по своим личным делам, а думай о главном в твоей жизни, о работе, о коллективе. О визуализации безотходного счастья! Синергия нас не оставит!»

Яся закрыла чат и почувствовала, как где-то в груди разливается тепло. Впервые за долгое время она ехала не по дедлайну, а по велению сердца. Или по велению странного пись-

ма от кота. Что, в общем-то, было почти одно и то же.

Дорога. Суббота, раннее утро.

Её старенькая «Лада Иксрей» тарыхтела по трассе Е-105, потом свернула на второстепенную, где асфальт плавно перетёк в гравийку, а гравийка - в какую-то зарастающую колею, где надо было то и дело объезжать вывороченные корни и лужи, которые в Карелии называют «озёрами», потому что в них можно утопить трактор.

Карелия встретила её так, как умеет только она - сдержанно, холодновато и невероятно красиво.

За окном мелькали сосны - такие высокие, что у них, казалось, не было верхушек. Они уходили прямо в бледно-голубое небо, которое только начинало прогреваться майским солнцем. Берёзы стояли в нежно-зелёной дымке - лист только-только распускался, клейкий и пахучий. Кое-где в низинах синели островки снега - память о недавней зиме, которая никак не хотела уступать место теплу.

Яся опустила окно, и в машину ворвался воздух - ледяной, сладковатый, с привкусом прелой листвы и хвои. Он обжёг лёгкие, заставил кровь бежать быстрее. После петрозаводской копти это было похоже на глоток живой воды.

GPS на телефоне начал сходить с ума ещё километров за десять до цели. Вместо привычных, посыпались странные сообщения, типа: «Вы находитесь на неопознанной территории. Поверните направо, нет, налево, мы не знаем куда. Мы

сдаёмся. Просто езжайте прямо, куда лошадь ведёт. Или корова. Или кто там у вас в лесу водится». Потом навигатор замолк и больше не подавал признаков жизни.

Яся ехала наугад, ориентируясь на интуицию и письмо от кого-то, кто подписался именем Кот Баюн, которое она сначала засунула в бардачок, а потом достала и положила рядом на сиденье, на случай если кто-то вдруг захочет оспорить её права на наследство, или просто спросит: а что она тут вообще потеряла.

Лес смыкался за ней. Не страшно, не угрожающе, а как-то по-свойски: мол, давай, заходи, Яся, мы тебя давно ждём.

Она свернула на просеку, где берёзы и осины росли так плотно, что местами приходилось протискиваться, рискуя поцарапать кузов о ветки. Потом была ещё одна развилка: налево, стоял пень с нарисованной (похоже, нетрезвой рукой) красной стрелой, и направо, где была табличка: «Тихо тут. Леший работает. Не шуметь».

Яся поехала налево по стрелки. Какой никакой а ориентир.

И тут лес расступился.

Она выехала на поляну, залитую утренним солнцем. В центре поляны стояло нечто, от чего у Яси сначала сел голос, а потом вырвался смех - нервный, истеричный, с нотками паники.

Избушка.

Она действительно стояла на куриных ногах. Но не такая,

как в сказках - кряжистая, радостная, с резными наличниками. Нет.

Избушка была кривой, завалившийся набок.

Она стояла на трёх опорах непонятной формы, а четвёртая была согнута, как нога у больной цапли. Окна перекошены, крыша покрыта мхом, а вместо конька на крыше лежала старая покрывка - явно автомобильная. Сруб если когда то и красился, то история о том событии терялась в веках. На двери висел амбарный замок размером с Ясину голову, а под ним - табличка: «На реконструкции. Хозяев нет. Главный кот».

- Господи, - прошептала Яся, заглушила мотор и вышла из машины.

Сырая земля пружинила под ногами, усыпанная сосновыми иглами и прошлогодними шишками. В воздухе пахло смолой, мятой и чуть-чуть - как ни странно - свежей выпечкой. Будто кто-то внутри топил печь.

- Ну, здравствуй, - сказала она, то ли обращаясь к избушке, то ли к самой себе. - Я, я наследница. Ярослава. Можно Яся.

Избушка молчала.

Яся обошла дом. Сзади росла огромная старая берёза, вся в наростах-чагах, похожих на закрытые глаза. Под берёзой - поленница дров, накрытая ржавым железом. В доме было два входа-выхода, два крыльца: одно сзади какое-то совсем уже почерневшее и покрытое мхом, на которое и ступить

то страшно, и спереди, немного понаряднее, если так вообще можно было выразиться, говоря, о чём-либо касающееся этого дома. Пять деревянных ступеней, между которыми торчали сухие стебли травы.

Она нагнулась к первой ступени справа. Засунула руку под ступень - там была пустота, пахнувшая мышами и сухой землёй. Пошарила - и нащупала что-то холодное, металлическое.

Ключ. Массивный, старый, с круглой головкой и бородачкой, похожей на корень мандрагоры.

Она вытащила его, отряхнула, взошла по поскрипывающим ступеням на крыльцо, подошла к двери. Вставила в замок.

- Откройся, - сказала она тихо. - Ну, пожалуйста?

Тот щёлкнул с такой силой, что Яся отшатнулась - будто внутри взорвалась маленькая петарда.

Она положила замок с ключом на крыльцо и толкнула дверь. Та не поддавалась. Ещё раз - сильнее. Бесполезно.

- Да что же это такое - пробормотала Яся и постучала кулаком.

И тут из динамика, прилепленного над дверью (старого, чёрного, похожего на домофон из 90-х), рявкнул скрипучий голос:

- Ага, щас! Ходят тут всякие, замки почём зря снимают! Ты кто такая будешь? Документы есть? Прописка? Разрешение на приближение к стратегическому объекту?

Яся опешила.

- Я наследница. Ярослава. Мне письмо вот написали этот, как там его, кот Баюн.

- Кот Баюн! - фыркнул динамик. - Вот балбес! Вечно эти коты всё поручают не тем людям! Ну-ка, суй палец в дырку, посмотрим кто такая!

- В какую дырку?

- Вон ту, выше замка. Не видишь, что ли? Или глаза тебе выдерге городской, от чистого воздуха застило?

Яся присмотрелась. Действительно, чуть выше замка в двери была маленькая скважина - ровно на толщину пальца.

- А это не больно?

- Если ты своя - не больно. Если чужая - больно. Очень. Аж искры из глаз посыплются и язык отсохнет. Ну, давай, шевелись, я ждать не люблю!

Яся вздохнула, как перед прыжком в холодную воду, и сунула указательный палец в скважину.

Что-то острое кольнуло подушечку - раз, другой. Она отдернула руку и увидела на пальце крошечную каплю крови.

- Ах ты ж, ёлки-палки! - выругалась она. - Зачем вы меня укололи?

Но ответ пришёл не из динамика.

Дверь - вся, целиком, от косяка до косяка - начала светиться. Не ярко, не ослепительно, а приглушённо, как старый телевизор ночью. Свет бежал по прожилкам дерева, загорался там, где, казалось, нечему гореть, и тухнул, оставляя

на тёплой древесине тёмные, как сажа, узоры.

Руны.

Древние, сложные, ни на один из известных Ясе языков не похожие. Они засветились, помигали и погасли.

А потом дверь открылась.

Сама. Со скрипом, похожим на старушечий кашель, и с явным облегчением.

- Прости, хозяйка, - сказал динамик уже другим, виноватым голосом. - Не признала. Но кровь помнит. Заходи домой. Я сейчас я поправлюсь. Не хотела я, чтобы чужие глаза зависть наводили. А ты заходи. Всё готово. Самовар кипит.

Яся как во сне переступила порог.

И тут же мир вокруг неё дёрнулся, как лошадь, которую пришпорили.

Избушка вздохнула - глубоко, протяжно, всем своим срубом. Под ней хрустнули суставы курьих ног, которые вдруг разогнулись, распрямились. Стены перестали кривиться - они, наоборот, выровнялись, скинули с себя клочья мха и старой краски. Крыша натянулась, как парус, и шина слетела вниз, брякнувшись оземь.

Внутри - Яся едва успела шмыгнуть в сторону, чтобы не придавило шкафом - всё приходило в движение. Посуда сама расставлялась по полкам. Занавески на окнах расправляли складки. Самовар на столе, пузатый, медный, зафыркал и пустил струйку пара.

- Вот так-то лучше, - пробасил динамик. - Давно я не чув-

ствовала себя такой молодой. Ах, хорошо-то как! Хозяйка пришла! Правда, говорят, что в новом доме и старые тараканы счастливее?

Яся стояла посреди горницы, разинув рот.

Полы здесь оказались тёплыми, как в доме с подогревом. Печь - огромная, изразцовая, в голубых цветах - тихонько потрескивала дровами, хотя никто их не подкладывал. На столе, на льняной скатерти, стояла ваза с свежими подснежниками? В конце-то мая?

- Это вы? - спросила она у избушки. Она про себя решила ничему не удивляться, и вести себя так как будто всё происходящее ей нисколько не в диковинку, а очень даже и в порядке вещей. А с поехавшей крышей (своей разумеется, у избушки то крыша прямо на её глазах встала на место) разбираться будет потом.

- Кто же ещё, - ответил динамик. - У тебя сегодня день приезда. Радость. А в радость полагается цветы. Давай, раздайся. Будем чай пить.

Яся скинула джинсовку, повесила её на вешалку (которая сама пододвинулась). Пройшла к столу, села на лавку, покрытую овчиной.

- Живенько тут у вас. Даже слишком. А где кот? - спросила она. - Кот Баюн? Яся, подумала, что лучше уж сразу выяснить степень поразившего её душевного недуга, проявляющего себя в виде видимых, слышимых и осязаемых галлюцинаций.

- А вот же он, лодырь! - сердито сказал динамик. - На печи дрыхнет, пока я тут хозяйство принимаю. Баюн! Слезай, засоня! Наследница приехала!

С печи, из-за трубы, свесилась пушистая чёрная лапа. Потом вторая. Потом из закутка выплыл огромный - нет, не просто огромный, а вселенских размеров - чёрный кот.

Матерый. С янтарными глазами, в которых застыла вековая мудрость, перемешанная с сытым презрением ко всему живому, которому не повезло родиться котом. На его шее красовался кожаный ошейник с кулоном-пером. Шерсть лоснилась, как хорошо начищенные туфли.

Он спрыгнул с печи, мягко приземлившись на пол, изба качнулась, и неторопливо, с достоинством потомственного аристократа, подошёл к столу. Запрыгнул на лавку напротив Яси. Уставился на неё.

- Ну, - сказал он человеческим голосом. Низким, бархатным, чуть шипящим, как старый винил. - Здравствуй, наследница.

Яся молчала.

- Что, речь отшибло? Бывает. У нас тут многие немеют с непривычки. Ну не тормози слишком. Не век же мне тут ждать пока ты в себя придёшь? И рот закрой, пока муха не влетела, и ресницами хватит моргать, мне дуется. Ну вот, а теперь дыши, а то твой синий цвет лица меня начинает тревожить. Вот уже лучше. Меня не бойся. Я не кусаюсь. Если только ты не попытаешься меня погладить не с той стороны.

Или накормишь дешёвым кормом. Или разбудишь до обеда.
Или

Он облизнул лапу и продолжил:

- Ладно потом продиктую, запишешь как правильно с котиком общаться. Теперь о действительно важных вещах. Прабабка твоя, царствие ей небесное, завещала тебе ипотеку на триста лет, коллекцию засушенных жаб и меня. Главный интеллектуальный актив. Прошу любить и жаловать. Кормить будешь лососем и форелью. Можно ещё сёмгой, но осторожно - у меня на неё аллергия. Сплю я на печи, на той большой подушке на лебяжьем пуху. Та, что справа, моя. Левая, тоже моя, но запасная. А ты себе вон на лавке постелешь, у окна. Наволочку и матрац мхом сухим набей, только протряси хорошо сначала от живности всякой. Там у окна сквозняк немного, но для молодого организма полезно.

- Но - начала Яся.

- Договорились? Отлично, - перебил кот. - Кстати, избушка - с характером. Если перечить станет, или на меня напраслину возводить - пригрозил её на дрова разобрать. Работает. Проверено.

Он зевнул, показав розовую пасть и внушительные клыки.

- Да, вот ещё, по мелочам. - Кот кивнул на кухонный шкаф - старый, из тёмного дуба, с резными дверцами. - Там портал между мирами. Магическим и вашим. Задача Яги проход между мирами открытым держать, но при этом и кому попало шастать не давать. С соседями опять же по обе сто-

роны в ладу жить, помогать по возможности. Разберёшься, где я помогу, где ворон, а где кровь подскажет. Там за дверью, кстати, прямо сейчас кикимора из соседнего болота сидит, давно записана, какой день уж подряд приходит. У неё бессонница. В общем, включай режим «Яга» и вперед.

- Какой ещё режим? - прошептала Яся.

- А вот такой, - кот лениво потянулся, выпустил когти. - Ты теперь Яга, Ярослава. Яга в седьмом поколении. Будешь зелья варить, клиентов принимать, проклятия снимать (ну, или накладывать, если попросят хорошо). Короче, работу работать. А я пока посплю.

Он свернулся калачиком прямо на лавке, положил голову на лапы и закрыл глаза.

- Подожди, - сказала Яся. - А если я откажусь?

Кот приоткрыл один глаз.

- Откажешься? Избушка привязана к родовой крови, Ветрова. Твоя кровь её открыла и привязала. Она тебе уже силу ведьмовскую прежней хозяйки передавать начала. И чем больше ты будешь в доме находиться, тем скорее её примешь. Теперь она твоя, пока жива. Сбежишь – избушка сама за тобой придёт. У неё ноги не только для красоты. Догонит. И притащит обратно. У неё скорость - сто пятьдесят в час по бездорожью. Не спорь, проверяли.

- А работа? У меня работа в городе!

- А ты совмещай, - зевнул Кот. - Днём - менеджер, ночью - Яга. Многие так живут. Особенно те, у кого ипотека и котики

голодные.

Яся закрыла лицо руками. Из динамика на стене донеслось утешающее:

- Не переживай, хозяйюшка. Втянешься. Я тебе и супчика сварю, и печку истоплю. Оно и к лучшему, что ты из города. Мы тут культурный переворот устроим. Синергию, мать её.

Яся вздрогнула, потом захотела спросить откуда избушка знает слово «синергия», но не успела. В этот момент дверца кухонного шкафа дрогнула, из щели повалил дым, и оттуда донеслось тоскливое, с надрывом:

- Бабушка Яга-а-а-а! Примите! Я больше не могу-у-у! Трясина рябит! Домовой храпит! Лягушки не в такт квака-а-ают! Жизнь мимо проходит!

Яся опустила руки. Посмотрела на шкаф. Потом на кота, который демонстративно захрапел.

- Ну, - сказала она вслух, вставая и направляясь к тёмному дереву. - Открывай портал. Будем знакомиться.

Избушка одобрительно скрипнула половицами.

А с печи, из-под подушки, донеслось приглушённое:

- Две капли валерьяны ей в чай, Ветрова. И пусть подышит над паром из отвара ромашки. С первого раза всех не вылечишь, но настроение поднимешь. Это тебе не рекламу с колбасой в интернетах крутить.

Яся глубоко вздохнула, шагнула к шкафу и толкнула дверцу.

Мир за ней качнулся, засветился фиолетовым, пахнуло

болотной тиной, мятой и надеждой.

«Только бы не уволили. Хотя можно и больничный взять, по причине затянувшегося душевного нездоровья», - подумала она, переступая порог в свою новую жизнь.

А в ответ раздалось всхлипывание кикиморы и со спины тихое, почти неслышное, но очень тёплое от избушки:

- Добро пожаловать домой, Яга. Заждались мы тут тебя.

Глава 2

Шаг в шкаф оказался самым коротким и самым длинным путешествием в жизни Ярославы Ветровой.

Коротким - потому что физически она переступила порог обычного кухонного шкафа, сделанного из тёмного дуба, с ручками в виде шишечек и запахом гречки на верхней полке. Длинным - потому что в тот миг, когда её кроссовок коснулся пола по ту сторону дверцы, реальность сложилась пополам, как лист бумаги, который кто-то небрежно согнул и разорвал по сгибу.

Сначала было темно. Не та темнота, когда просто выключили свет, а густая, вязкая, похожая на смолу, которая застыла миллионы лет назад и теперь не пускает ни звука, ни вздоха. Потом темнота моргнула - и зажглась тысячами огоньков.

Светлячки.

Они плавали под потолком в стеклянных банках, подвешенных на верёвках из лыка. Банки были разного калибра – размером от спичечного коробка до трёхлитровых, в которых, должно быть, раньше солили огурцы, а теперь хранили живой свет. Светлячки внутри лениво переминались с лапки на лапку, периодически вспыхивая синхронно, будто подчиняясь невидимому дирижёру.

- Нравится? - раздался голос избушки прямо над ухом. - Это прабабка твоя придумала. Говорила, что электричество

- оно, конечно, хорошо, но души в нём нет. А в светлячках - душа. Маленькая, светящаяся и очень обидчивая. Если ругаться матом, они гаснут.

Яся огляделась.

Она стояла в приёмной. В магической части избушки, которая по законам обычной геометрии никак не могла поместиться внутри дома, но тем не менее помещалась - просторная, высокая, с бревенчатыми стенами, покрытыми резьбой, изображающей папоротники, волков и почему-то воздушный шар.

В углу журчала вода, своеобразный магический кулер. Но не обычный, с пластиковыми бутылками, а дубовый бочонок на ножках, в верхней части которого был установлен питьевой фонтанчик из которого текла прозрачная жидкость с мелкими искрами. Рядом с бочонком висела табличка: «Вода живая. Для внутреннего и внешнего употребления. Беречь от домовых (буянят с неё шибко)».

Вдоль стен стояли лавки, крытые овчиной, а на одной из них сидело существо.

Яся моргнула. Существо не исчезло.

Это была женщина. Ну, или то, что от неё осталось после долгой и утомительной жизни на болоте. Лет пятидесяти на вид, с лицом, напоминающим печёное яблоко - морщинистым, добрым, но крайне обиженным. Волосы - спутанные зелёные водоросли, в которых, при ближайшем рассмотрении, копошились мелкие рачки. Одежда - нечто среднее

между больничной пижамой и балахоном из мешковины. На ногах - лапти, обмотанные синей изоляцией, что говорило о том, что мир магический хоть и был отделён от мира обычного порталом, но остановить взаимопроникновение технологий не удалось.

- Баба Яга? - спросило существо тоскливо. – Не признаю, что-то. Или вы новая?

- Я Яся, - представилась Яся, всё ещё не веря, что разговаривает с кикиморой. - Ветрова. Яга. Новая. Седьмого поколения. Можно просто Яся.

- А я Кикимора Болотная, третьего разлива - представилась женщина и тут же зарыдала. - Ой, бабонька, ой Ягущенька, родимая! Не могу больше! Совсем не сплю! Вот уже третью седмицу мучаюсь! Лягу на мох, закрою глаза - а тряпина рябит! Рябит, понимаете? Как старый кинескоп, если по нему стукнуть!

Яся сделала шаг назад. Она ожидала многого от своей новой подработки - проклятий, зелий, полётов в ступе, - но женских рыданий по поводу бессонницы на болоте в её планы не входило.

- Тряпина рябит? - переспросила она осторожно.

- Рябит! - подтвердила кикимора, и у неё из водорослей выпал мелкий рачок, который тут же начал пятиться под лавку. - А ещё домовый храпит! Мой, болотный домовый! Я ему говорю: «Тише ты, спать мешаешь!», а он: «А я не храплю, это вода в торфе булькает!» - И обзывается в ответ: Кикимо-

ра ты третьего разлива - жалко, что не пива. А лягушки! Лягушки, бабонька Яга! Они же не в такт квакают! Понимаете? Не в такт! Одна начинает «ква», а вторая заканчивает «ква» на полтона выше! Это же издевательство!

Яся слушала и понимала, что профессиональная деформация - страшная сила. В её голове, прямо за уставшим от колбасной синергии левым полушарием, включался режим «человек в кризисе». Бессонница. Хронический стресс. Сенсорная перегрузка. Всё это было так знакомо, так по-человечески.

- А вы что делали? - спросила она. - Чтобы уснуть?

- Всё! - в отчаянии воскликнула кикимора. - И корень мандрагоры под подушку клала - так он ночью пророс, корешки в ухо засунул, я чуть не оглохла. И сонную росу пила - после неё три дня наоборот не спала, зато летала, не высоко правда. И к бабке Варваре на заговоры ездила - так она мне такое нашептала, что теперь боюсь в зеркало смотреть. Ой, Яга, спасай! Я заплачу! Пиявками! У меня хорошие пиявки, молодые, кровососущие, с образованием!

Яся хотела было спросить, какое образование может быть у пиявок, как вдруг сверху, с потолочной балки, раздалось карканье. Громкое, раскатистое, с явным намерением привлечь к себе внимание.

- Кар-р-р! Дочь моя, позволь старому ворону вставить свои пять копеек! - провозгласил голос, от которого у Яси заныли зубы. - Глаголю тебе: прежде, чем варить зелье для

сей страждущей особы, надобно трижды поклониться на восток и плюнуть через левое плечо! Ибо без обряда - одно бабство, а не магия!

На балку спикировала птица. Большая. Очень большая. Такая большая, что когда она раскрыла крылья, то тень заслонила половину комнаты. Оперение - чёрное, с бронзовым отливом, как у старого самовара, который чистили кирпичом. Одно перо в хвосте торчало вертикально вверх, придавая ворону вид вечно удивлённого профессора. Глаза - умные, с вековой печалью, которая, впрочем, мгновенно сменилась алчным блеском, когда ворон заметил на столе сушёные ягоды.

- Карл Карлович, - представился он, перелетая на спинку стула. - Бывший советник шести поколений Ягинь. Ворон из древнего рода Мракокрылых. Ваш покорный слуга, дочь моя. Буду учить тебя уму-разуму, дитё неразумное. Внемли, ибо совет мой - золото!

Кикимора от неожиданности перестала плакать и уставилась на ворона с надеждой.

- Ой, это тот самый Мракокрыл? - спросила она благоговейно. - Который ещё при царе Горохе

- При царе Горохе я был молод и глуп, - отрезал Карл Карлович и поправил клювом перо в хвосте. - А ныне я мудр и опытен. Итак, дочь наша, - он повернулся к Ясе. - Слушай рецепт от бессонницы болотной. Поймать летучую мышь. Не какую попало, а ту, что спит вверх ногами на западной сто-

роне старой пещеры. Высушить её крыло на лунном свете, но не на полной луне, а на убывающей, ибо на полной - будет лишняя магия. Смолоть крыло в пыльцу, добавить три капли ночной росы, плюнуть через левое плечо (но не на кота, если кот рядом, и на него попасть - будет драка), всё смешать в глиняной плошке, настоять на лунном свете с полуночи до первых петухов и втирать в пятки перед сном. Втирать тщательно, с приговором: «Как мышь спит, так и я буду спать, ни трясины не бояться, ни лягушек, ни храпа домового». Всё. Кар-р!

Ворон закончил и гордо оглядел аудиторию.

Кикимора побелела.

- Летучую мышь? - прошептала она. - Я боюсь летучих мышей! У них лапки холодные и пахнут сыром!

- А вы не бойтесь, - наставительно сказал Карл Карлович. - Вы её поймайте и убейте. Чего бояться того, что уже мёртвое?

- Но она же живая! - возразила кикимора.

- Так умертвите, - философски заметил ворон. – Можно и без убийства, если мышка согласится сама крыло отдать. Если договоритесь, нам то всего крыло надобно, а не вся тушка. Но они, кар-р, не соглашаются. Самолюбивые странные зверьки.

Яся смотрела на эту сцену и чувствовала, как где-то в глубине её офисной души просыпается проджект-менеджер. Проект «Уснуть кикиморе». Бюджет - пиявки. Сроки - вче-

ра. Риски – несговорчивые, которыйлетучие мыши, домо-вой храпит и обзывается, и несинхронные лягушки орущие в разной тональности.

- А можно я попробую по-другому? - спросила она тихо.

Ворон уставился на неё с подозрением.

- Как это «по-другому»? - переспросил он. - Другого пути нет. Рецепт проверен веками. Моя бабушка, ворона Мраккрыла Печальная, ещё при Ягине прапрабабушке этот рецепт применяла. Всегда работало. Ну, почти всегда. Однажды у одной кикиморы после втирания выросла борода, но это потому что она плюнула не через левое плечо, а через правое.

Яся набрала в грудь воздуха

- У меня есть идея, - сказала она. - Кикимора простите, как вас зовут? По имени?

- Фёкла, - ответила болотная женщина. - Фёкла Тихоновна.

- Фёкла Тихоновна, - мягко сказала Яся, садясь рядом на лавку. - А вы когда в последний раз высыпались то хорошо, не припомните?

Фёкла Тихоновна заморгала.

- Да, как не помнить. Как раз накануне, как Леший сеть Wi-Fi в болоте наладил.

- Сеть значит? – уточнила Яся. - А Вы Фёкла Тихоновна, этой сетью и пользоваться умеете?

- Так а что уметь то. У меня вокруг болота летом сколько туристов и грибников – ягодников бывает, чего только у

них из карманов не падает. Вот и смартфонов у меня аж три штуки. Мне Леший один и наладил. Зарядку от солнечной батареи, доступ к сети, каналы настроил там всякие: новости, путешествия, кинофестивали. Смотрю, очень занятно бывает, а иногда и страшно от того что в мире происходит, прям смотрю и не оторваться пока телефон не разрядится. Тут уж понятно, пока солнце не выйдет, не подзарядить. Вот и ложусь спать. А сон то и не идёт.

- Яся, ошеломлённо слушала рассказ кикиморы. Картинка сказочного магического мира стремительно обретала черты гротеска, имеющего те же самые болячки, что и в её обычном мире. Что впрочем, несколько облегчало задачу помощи несчастной лесной жертве думскроллинга.

- Понятно. – Резюмировала Яся. – Ещё вопрос: А Вы когданибудь пили тёплое молоко перед сном?

- Молоко? - переспросила она. - У нас на болоте коров нет. Только лягушки и цапли. Цапли не доятся, а лягушки - мелковаты.

- А мёд? - не сдавалась Яся. - Мёд у вас есть?

- Мёд есть, - призналась кикимора. - На соседней пасеке дед Пихто разводит болотных пчёл. Они злые, зато мёд - с дурманящим эффектом.

- Вот и отлично, - сказала Яся. - Сейчас я вам рецепт дам: тёплое молоко с мёдом перед сном. Если нет молока - заварю ромашку. Ромашка на болоте растёт?

- Растёт, - кивнула Фёкла. - Только она там жёлтая и ква-

кает.

- Квакает?

- Ну, не совсем квакает. Но когда её завариваешь, она издаёт звуки, похожие на икоту.

Яся решила, что пока не будет углубляться в ботанику болотных растений.

- Тогда просто тёплое питьё, - сказала она. - С мёдом. Так же Вам обязательно нужен цифровой детокс.

- Что?

- Никакого интернета перед сном, да и днём на новости тратьте не больше получаса. И ещё - Она повернулась к кухонной стене, где, по идее, должен был быть ящик с надписью «Разное». - Избушка, у нас есть вощина? Или что-то, из чего можно сделать беруши?

Динамик на стене проскрипел:

- Вощина есть. В шкафу, на верхней полке, рядом с засушенными жабами. Но я бы рекомендовала взять не вощину, а вату. Вата мягче. И пихать в уши неглубоко, а то потом вытаскивать будешь - не отличишь воск от серы.

- Вата подойдёт, - обрадовалась Яся.

Она быстро сходила к шкафу, нашла упаковку стерильной ваты (срок годности истёк в 1998 году, но на вид она была белой и пушистой), оторвала два комочка, скатала в шарики, и положила в небольшой пакетик.

- Вот, - сказала она, протягивая пакетик с берушами кикиморе. - Затыкаете уши. Чтобы лягушки не мешали и до-

мовой не храпел.

- А если домовой обидится? - спросила Фёкла, с сомнением разглядывая ватные шарики. - Он обидчивый у меня. В прошлый раз я ему сказала, что от него пахнет торфом, так он неделю мне косулины катыши в компот подкладывал.

- Скажете ему, что это магический ритуал для улучшения микроклимата в болоте и повышения вашей женской привлекательности, - посоветовала Яся. - И дайте ему валерьянки. Домовые от валерьянки добреют и спят как сурки.

- А где взять валерьянку? - оживилась кикимора.

Яся вздохнула и посмотрела на печь, которая была едина в обоих мирах, где из-под подушки торчал чёрный кошачий хвост. Кот Баюн спал, периодически подёргивая ухом и, кажется, улыбался во сне.

- Валерьянку я организую, - сказала она. - Позже, когда найду где этот лохматый гад её прячет. А сейчас - идите и сделайте себе чай. Тёплый. С мёдом. Заткните уши. Смартфон подальше от себя положите. Лягте на мох, закройте глаза и представьте, что вы не на болоте, а ну, где вам хорошо? На море? В горах?

- Я никогда не была на море, - призналась кикимора. - Только в интернете видела, всё время на болоте. Но у нас там, кстати, тоже можно представить, что ты на море. Если закрыть глаза и сильно раскачиваться в гамаке из тины.

- Вот и отлично, - подвела черту Яся. - Представляйте море. Через пятнадцать минут вы уснёте. Если нет - приходите

завтра, будем думать дальше, у меня еще очень много идей образовалось.

Фёкла Тихоновна взяла пакетик с ватными шарики, поклонилась Ясе в пояс, затем Ворону (тот гордо кивнул), затем иконе в углу, и, шаркая лаптями, поплыла к выходу - обратно к себе на болото.

- Спасибо, бабонька, - сказала она на прощание. - Вы необычная. Я таких Яг не встречала. Обычно они сразу мышей советуют ловить. А вы - вата, чай, детоксы. Душевно, но современно.

Яся, устало выдохнула, повернулась и пошла к шкафу, к проходу в свой мир. Дверца шкафа закрылась. Фиолетовое свечение погасло.

Яся выдохнула и опустилась на лавку.

- Ну что, - раздался голос от печи. - Первый блин комом?

Кот Баюн, оказывается, не спал. Он приоткрыл один глаз и смотрел на Ясю с ленивым любопытством.

- Не комом, - ответила Яся. - А как нормально.

- Нормально - это когда клиент уходит довольный, - заметил Кот. - А твоя кикимора ушла в непонятках. Она через полчаса вернётся, когда поймёт, что ты её без телефона перед сном оставила.

- Не вернётся, - сказала Яся упрямо.

- Спорим на целого лосося?

- Спорим.

Кот зевнул, спрыгнул с печи, подошёл к столу, запрыгнул

на него и уселся прямо напротив Яси, сложив лапы домиком.

- А ты азартная, - сказал он. - Мне нравится. Твоя прабабка была не азартная. Она, когда спорила, никогда ничего кроме сушёных мухоморов не ставила - и всегда проигрывала. Это после того, как один раз проиграла Кощею собственную ступу. Пришлось три месяца на метле летать. Неудобно, знаешь ли: ветер в ушах свистит, юбка задирается, а возраст уже почтенный был.

Яся хотела ответить, но не успела.

Из шкафа снова донеслось фиолетовое свечение, и дверца приоткрылась.

- Яга, - раздался голос Фёклы Тихоновны. - А можно я пиявок оставлю, авансом, не дожидаясь результата? Чтоб не носить их туда-сюда. А то они нервничают, когда их носят. Цитатами начинают сыпать, всё время про какую то старуху и топор спрашивают.

- Конечно, - сказала Яся, хотя понятия не имела, куда девать пиявок - в холодильник или в аквариум.

В щель просунулась рука, сжимающая стеклянную банку, в которой на дне копошилось нечто сплетённое, чёрное, склизкое и явно читающее перед сном Достоевского - настолько интеллектуальным были взгляды из банки.

Яся взяла банку. Рука исчезла. Дверца закрылась.

- Ну, - сказал Кот. - Пиявки. Полезные твари, а магические вдвойне. Будешь их на компрессы использовать. Или, если кто из клиентов сильно зазнается - посадишь на спи-

ну, депутата какого-то, или чиновника местного. Обычные только дурную кровь сосут, а магические умеют и гордыню, и всякие дурные качества из человека высасывать. В прямом смысле.

Яся поставила банку на полку, рядом с засушенными жабами и коробкой от «Активии», а потом решила пойти осмотреться в магической приёмной своего нового дома, так сказать детально изучить своё новое рабочее место, взяла с лавки свой рюкзак (мало ли что пригодится) и шагнула в шкаф.

В это время с балки спланировал Карл Карлович. Он выглядел обиженным. Сильно обиженным. Даже перо в хвосте прижалось к остальным.

- Дщерь моя, - сказал он ледяным тоном, от обиды частично перейдя на старославянский. - Вы меня осрамили перед кикиморой. Я предлагал проверенный веками рецепт с летучей мышью, а вы - какое-то молоко, чай, и вату. Молоко! Вата! Это не магия, это детский сад! Что скажут другие Яги? Что у нас тут не избышка с порталом, а филиал детской молочной кухни?

- Карл Карлович, - мягко сказала Яся. - А вы когда-нибудь пробовали тёплое молоко с мёдом?

- Я пробовал всё! - гордо заявил ворон. - Я, между прочим, при Николае Втором пил какао из сервиза императрицы! Но молоко - это для телят, а не для магических птиц!

- А манго? – спросила Яся невинно.

Ворон замер.

- Манго - это другое, - сказал он неуверенно. - Манго - это экзотика.

- А у меня есть, - сказала Яся, открывая свой рюкзак, где, лежала пачка сушёного манго. - Вот. Попробуйте. Пока бы мы там с поимкой летучей мыши возились, кикимора мучалась, а так она уже точно сегодня ночью будет сладко спать.

Она протянула ворону оранжевую полоску. Тот с минуту боролся с собой - гордость и желудок вступали в смертельный бой. Ворон был старый и мудрый, поэтому знал, что гордость, как и характер, лучше проявлять на сытый желудок.

Ворон взял манго, повертел в лапе, склюнул кусочек, попробовал. Замер. Проглотил. Зажмурился.

- Кар-р-р! - выдохнул он. - Что это за сладость райская? Это это вкуснее, чем грецкие орехи при дворе Екатерины! Это это

- Прогресс, - подсказал Кот, опять переместившийся через печку. - Называется «сушёное манго в сахарной пудре». Продаётся в любой лавке в их мире.

Ворон открыл глаза. В них стояли слёзы. Буквально - две прозрачные капли, которые дрожали на бронзовых ресницах.

- Я я всю жизнь прожил, не зная этого вкуса, - прошептал он. - Я каркал на ветру, я копил мудрость и давал советы, я видел, как горит Москва, как тонет «Титаник», как первый человек вышел в космос, И только сейчас я понял, что жил

зря. Потому что не ел манго.

- Не драматизируйте, - усмехнулась Яся, протягивая ему открытую пачку. - Берите ещё одну полоску и успокойтесь.

Ворон взял. И ещё одну. И ещё. Потом спрятал остатки пачки под крыло и, бормоча что-то про «принять глубочайшую апологию», взлетел на балку, где и затих, изредка икая.

- Чем это на него так подействовало? - спросила Яся у Кота.

- Сахар, - ответил тот, потягиваясь. - У воронов с сахаром сложные отношения. Они его любят, но он на них действует как алкоголь. Карл Карлович сейчас уснёт и проспит до утра. А утром проснётся и скажет, что это вы его опоили. Не обращайтесь внимания, мы все тут со странностями.

Яся посмотрела на часы. Был первый час ночи. За окнами избушки - то есть, за окнами магической приёмной - чернел лес, настоящий, древний, в котором, казалось, каждый дуб помнил, как Соловей разбойник сидел на нём поджидая поздних путников.

- И что теперь? - спросила она.

- А ничего, - зевнул Кот. - Спать ложись. Завтра новый день, новые клиенты. К тебе записан соседский домовый с проблемами в документообороте, потом водяной с несварением от городских стоков, а после обеда - шишига с семейными проблемами. Будет весело.

- А где я спать-то буду? - спросила Яся, вдруг осознав, что в магической приёмной нет ни кровати, ни дивана.

Кот кивнул в сторону печи.

- Вон, лежанка прабабкина. Правда, она там уже двести лет не спала, после того как на ней её последний сожитель представился. На лежанке в смысле, а не на прабабке. Но мы подушку перевернём, и всё будет хорошо.

Яся подошла к печи. Лежанка оказалась вполне себе ничего - широкая, на которой лежало нечто, отдалённо напоминающее матрас, набитый сеном. Из матраса торчала соломинка, но в целом выглядело сносно.

- А кровать? - спросила она. - Обычная? Человеческая?

- Человеческая - в той части дома, - ответил Кот. - В обычной. Иди через шкаф. Там у тебя спальня. С балдахинном и бра с лампами накаливания. Прабабка, хоть и была Ягой, но в быту любила комфорт. Она говорила: «Магия магией, а электрификация должна быть везде».

Яся кивнула, попрощалась с Котом (который уже запрыгнул на лежанку и свернулся клубком, явно намереваясь спать именно там, а не на своей подушке на печи), и шагнула обратно через шкаф - в обычную часть избушки.

Там, в обычной части, было тихо, тепло и пахло пирогами. Самовар на столе давно остыл, зато на плите стояла кастрюля с чем-то, что издавало аппетитные булькающие звуки.

Яся заглянула под крышку. Грибной суп. Свежий, с укропом и сметаной.

- Это ты? - спросила она у потолка.

- Я, - ответила избушка. - Ешь, хозяйюшка. Ты сегодня

сильно старалась. Первый день - самый тяжёлый. А завтра будет легче.

Яся зачерпнула половником, налила в миску, села за стол. Белые грибы чуть хрустели на зубах. Суп был восхитительным - таким, какой не сварить ни в одной городской кухне, даже с доставкой из самого дорогого ресторана.

Она ела медленно, прислушиваясь к звукам старого дома. Где-то за стеной что-то тикало - то ли часы с кукушкой, то ли кот ворочался. Снаружи, за окном, шелестел лес - нестрашный, родной, будто он давно ждал её возвращения, и теперь укрывал от мира, в котором нужно было быть настоящей, правильной.

«Синергия, - подумала Яся, отправляя в рот последнюю ложку супа. - Вот она, настоящая синергия. Когда дом тебя кормит, лес убаюкивает, а кот спит на твоей подушке. И совсем не важно что она твоя, а кот тебя на неё не пускает».

Она помыла посуду (вода из крана текла сама, стоило подставить руки), вытерла их полотенцем, и побрела в спальню с балдахином.

Кровать оказалась огромной, с пружинным матрасом, который тихонько скрипел, но приятно. На подушке лежала записка, написанная тем же корявым почерком, что и прабабакино письмо:

«Здравствуй Яся. Если ты читаешь это письмо, значит дом тебя принял, и жизнь твоя изменится самым невообразимым образом. Живи, осваивайся, прислушивайся к себе, к свое-

му сердцу, к своей крови, и всё у тебя получится. Чудесам не удивляйся, принимай как должное. Сны тут вещи, т.ч. если тебе приснится Кощей - не бойся. Он только кажется страшным, а так, такой же, как и ты, пришедший однажды и нашедший своё место в магическом мире. Если приснится, что избушка улетела - не волнуйся. Она всегда возвращается. Спокойной ночи. Прабабка Ягиня.

P.S. Кота с печки не гони. Он уже староват, и ему холодно, хоть он и не признается».

Яся свернулась калачиком, укрылась стёганым одеялом и закрыла глаза.

За окном, на берёзе, закаркал ворон - но не сердито, а умиротворённо, будто желая спокойной ночи.

- Кар-р-р, - донеслось снаружи. - Хорошая ты, Яга. Не такая, как другие. Но хорошая.

Яся улыбнулась в подушку.

И уснула.

Час ночи. Магическая половина дома.

Ворон сидел под потолком на балке. Кот Баюн не спал. Он лежал на печи, положив голову, и смотрел на дверь, ведущую в шкаф.

- Чего смотришь? - спросила избушка шёпотом.

- Думаю, - ответил Кот.

- О чём?

- О том, выдержит ли она. Городская. Не привыкла к на-

шим порядкам.

- Выдержит, - уверенно сказала избушка. - Кровь не вода. Ягиня в ней чувствуется.

- Ягиня в ней чувствуется, - согласился Кот. - Но и человек в ней чувствуется. А у людей есть один существенный недостаток. Они умирают быстро, век у них короткий. А мы остаёмся.

Избушка промолчала. Только скрипнула половицей - мягко, утешающе.

- Не умрёт, - каркнул ворон. - Мы не дадим.

Кот вздохнул, перевернулся на другой бок и уткнулся носом в хвост.

- Ладно, - буркнул он. - Посмотрим.

И уснул - по-настоящему, без притворства, чтобы набраться сил перед новой ночью, новыми клиентами и новой Ягой, которая только начинала понимать, что такое настоящая магия.

За окном карельский лес укутывал поляну синим, туманом, и где-то далеко, на болоте, лягушка попробовала квакнуть в такт с соседкой. Получилось не очень. Ей ответила третья, и опять в разной. Они ещё долго старались добиться звучания в унисон, но до идеала было ещё далеко. А в центре болота, на большой моховой кочке, плавно покачивающейся на темной болотной глади, с улыбкой на губах сладко спала счастливая кикимора.

Глава 3

Утро в карельском лесу пахло так, как не пахнет ни одно утро в городе. Даже если вы откроете все окна в своей петрозаводской хрущёвке и купите самых дорогих ароматических свечей с надписью «Хвойный бриз», вы никогда не добьётесь этого запаха. Потому что лес пах не просто хвоей и смолой. Он пах свободой. И ещё – кошачьим перегаром, но это от того, что Кот Баюн ночью проголодался и доел шампиньоны, которые начали бродить, и теперь благоухал на весь дом.

Яся проснулась от того, что кто-то настойчиво тыкал её в щёку мокрым носом.

- Отстань, - пробормотала она, отмахиваясь рукой. - Будильник ещё не звонил.

- У нас нет будильника, - ответил голос, который было невозможно спутать ни с одним другим звуком на свете, потому что он урчал на низких частотах и одновременно шипел, как старый чайник. - Вставай, Ветрова. Твоя избушка разваливается. Или ты хочешь, чтобы мы все рухнули в тартарары вместе с прабабкиным сервантом?

Яся открыла один глаз.

Кот Баюн сидел на её подушке, положив передние лапы на грудь, и смотрел на неё с выражением, которое бывает у начальников, когда они приносят вам на подпись приказ

об увольнении, но хотят сделать это как бы по-дружески, с кофе.

- Что случилось? - спросила она, садясь и нащупывая на тумбочке телефон. - Который час?

- Полвосьмого утра, - ответил Кот. - Проснись и пой. Избушка хромает. Правая задняя нога скрипит так, что Ворон с балки периодически сваливается, от нервов, что подрывает его многовековой авторитет.

Яся выглянула в окно спальни, выходящее на поляну. За стеклом голубело майское небо, чистое и холодное, как вода в роднике. Берёзы стояли в зелёной дымке, похожие на невест, которые только что проснулись и ещё не успели причесаться. Где-то вдалеке куковала кукушка - ровно, монотонно, будто отмеряла время, оставшееся до следующего дедлайна.

- Хорошо-то как, - зевнула Яся. - Не то что в городе. Там за окном - стройка и вечно сигналят.

- Там за окном цивилизация, - фыркнул Кот. - А здесь - глухомань, медведи и избашка на последнем издыхании. Так что давай, поднимайся. Я вызвал Лешего. Он будет через час.

- Какого?

- Не какого, а кого. Лешего, - повторил Кот терпеливо, как учитель в школе для детей с задержкой развития. - Спиридона. Он у нас в лесу техдиректор, инженер, системный администратор, электрик, сантехник и по совместительству хранитель леса в одном лице. Он тебе понравится. Он боро-

датый, в очках и терпеть не может, когда его отвлекают от возни с его новым серваком.

Яся не стала спорить. Она натянула джинсы, свитер (вчерашний, с пятном от чая), сунула ноги в резиновые сапоги - единственную обувь, которую избушка нашла в прабабкиных закромах, и которая подошла по размеру, если не считать того, что левый сапог был на два размера больше и всё время норовил слететь.

На кухне самовар уже кипел, под крышкой кастрюли что-то вкусно булькало - овсянка, что ли? Яся открыла - точно, овсянка. С мёдом, орехами и сушеной морошкой, которую принесла кикимора в благодарность за первую за несколько недель спокойную ночь.

- Спасибо, - сказала она избушке, отправляя в рот ложку за ложкой.

- Пожалуйста, - ответил динамик. - Ты вчера хорошо с кикиморой поработала. Она, кстати, уснула. И проспала до утра. Даже лягушки не мешали.

- А что, лягушки перестали квакать?

- Нет, она вчера беруши прутиком поглубже в уши зашивала, утром сразу не вытащила, и теперь боится, что они там внутри приросли к ушам. Придёт сегодня, будешь отмачивать и вытаскивать.

Яся вздохнула и дожевала кашу. Похоже, работа Яги - это не только магия и полёты в ступе, но и вечное решение проблем клиентов, которые сами создают себе новые проблемы,

пытаясь решить старые. Как в рекламном агентстве. Только там вместо лягушек были клиенты, которые просили «сделать логотип побольше, но не очень, и чтобы он был похож, на тот, ну вы знаете».

Она вышла на крыльцо - и сразу поняла, что Кот не врал. Избушка действительно хромала.

Правая задняя нога, которая ещё вчера была подогнута, как у больной цапли - теперь стояла на земле, но с явным напряжением. При каждом движении (а избушка, как выяснилось, постоянно двигалась, даже когда казалось, что стоит на месте - просто переминалась с ноги на ногу, как лошадь в стойле) из сустава раздавался звук.

Скрежет.

Металлический, противный, похожий на звук несмазанной телеги, которую тащат по гравию в гору.

- Ой-ой-ой, - сказала избушка виновато. - Прости, хозяйка. Это всё масло. Мухоморное. Прабабка говорила, что его на сто лет хватит, а оно, видишь, кончилось. Или загустело. Или кто-то его выпил.

Кот, который вышел следом и теперь сидел на крыльце, вылизывая лапу, сделал вид, что не слышит последней фразы.

- Кто его мог выпить? - спросила Яся, глядя на Кота.

- Не знаю, - ответил тот, не поднимая глаз. - Может, домовой. Или Ворон по пьяни. Или сама избушка и самовыпила. Коты вообще не пьют масло из мухоморов, тем более что на

вкус оно было, ну такое себе - продолжил кот.

- Этот кот пьёт всё, что плохо лежит, - парировала избушка. - Я помню, при мне он однажды вылакал полный бочонок валерьянки и потом три дня пел романсы на крыше. Спасатели приезжали. Думали, медведь ревёт.

- Это была творческая импровизация, - огрызнулся Кот. - На тему «Я люблю тебя, жизнь, ну а ты меня снова, и снова».

Яся решила не вникать в творческие разногласия местной фауны и пошла осматривать сустав.

Курья нога оказалась конструкцией сложной и явно инженерной. Состояла она из металлических частей, покрытых чем-то, напоминающим чешую. Внутри что-то вращалось и щёлкало. Сверху, в месте соединения с избушкой, виднелась маслёнка - точь-в-точь такая, какие ставят на старых токарных станках. Из маслёнки тянуло мухоморами и ещё чем-то - дёгтем, что ли?

- Ну, - сказала она Коту. - Где твой Леший?

- Спиридон будет через час, - повторил Кот. - У него сейчас утренний созвон с водяными. Они настраивают подводный интернет.

- Подводный интернет? - переспросила Яся.

- А ты думала, современные русалки как общаются? Письма в бутылках? Нет, у них оптоволокно по дну озера. Правда, водоросли постоянно перебивают сигнал. И рыбы грызут кабели. Особенно шуки. Они, когда злые, всё грызут. Им плевать на квантовые алгоритмы шифрования.

Яся решила, что утро слишком странное, чтобы вникать в технологические проблемы русалок. Она вернулась в дом, налила себе ещё чаю, под села к окну и стала ждать.

За окном лес жил своей жизнью.

Сойка перелетела с ели на берёзу, громко и возмущённо стрекоча - видно, ей не понравилось, что кто-то нарушил её личные границы. Белка спустилась по стволу, уставилась на избушку, поцокала языком и ускакала обратно - то ли осуждая хромоту, то ли удивляясь, что дом вообще умеет ходить. Где-то вдалеке дятел долбил сосну с такой методичностью, что казалось, он отбивает морзянку: «Спа-си-те, лес на-ше бо-гатст-во, как мне ску-чно».

А потом из леса вышел человек.

Яся сначала не поняла, кто это - слишком неожиданно было увидеть кого-то в этом глухом месте, куда даже GPS редко заглядывает. Она подумала: может, грибник? Или турист? Или, не дай бог, инспектор из Роспотребнадзора?

Но когда человек приблизился, она поняла: нет, это не грибник и не турист.

Во-первых, потому что грибники в эту пору ещё не ходят - май, грибов нет. Во-вторых, потому что на человеке не было яркой куртки и кепки с надписью «Я люблю Карелию». И в-третьих от него исходило что-то такое, отчего Яся вдруг осознала, что вчера забыла расчесаться, а на свитере не пятно от чая, а целое озеро.

Мужчина был высоким. Крепким, но не массивным - та-

ким, как рубят из карельской сосны: ствол прямой, сучков нет, руки сильные, взгляд спокойный. Одет в простой камуфляж - не военный, а так, рабоче-полевой, какие носят лесники и егеря. На ногах - кирзовые сапоги, заляпанные глиной. В руках - небольшой рюкзак, из которого торчал судок с чем-то, похожим на термос, и сбоку бинокль.

Светло-русые волосы - ветер трепал их так, будто они были лучшими друзьями. Серые глаза - светлые, ясные, с лёгкой смешинкой. На лице - трёхдневная щетина, которая делала его похожим то ли на путешественника, то ли на рок-музыканта, который устал от славы и ушёл в лес лечить белок.

Он заметил Ясю в окне, остановился, улыбнулся и поднял руку в приветствии - небрежно, по-свойски, будто они были знакомы сто лет, а не встретились в первый раз.

Яся вскочила, чуть не опрокинув кружку, и выбежала на крыльцо. За ней - Кот, который даже не притворился, что ему неинтересно. Кот вообще к любым новым людям относился так, как если бы они были потенциальными поставщиками свежей рыбки.

- Здравствуйте, - сказал мужчина, подходя ближе. Голос у него оказался низкий, чуть хриловатый - то ли от того, что много времени проводил на свежем воздухе, то ли от того, что вчера пел у костра. - Вы, наверное, новая соседка? А я - Иван Залесский. Лесник. И ветеринар по совместительству.

- Яся, - выдавила она, чувствуя, как щёки начинают розо-

веть. - Ярослава. Ветрова. Я я здесь ну, дом. Бабушкин. То есть, прабабушкин.

Иван оглядел избушку критическим взглядом.

- Крепкий сруб, - сказал он. - Года примерно конца XIX века? Но в хорошем состоянии. Не считая - он перевёл взгляд на курью ногу, которая в этот момент издала особенно громкий скрежет, - не считая вот этого.

- Плановое техническое обслуживание, - выпалила Яся. - Мы уже вызвали и ждём мастера.

- Мастера? - Иван поднял бровь. - В такую глушь? У нас тут даже связь не ловит.

- Ловит, - раздался голос Кота, который сидел на перилах и нагло разглядывал Ивана янтарными глазами. - У нас вай-фай даже имеется. И скорость быстрее, чем в городе. Хотите пароль? Пароль: «Яга5494проклянутедорого». Пишется слитно.

Иван уставился на Кота, потом на Ясю, потом снова на Кота.

- Ваш кот говорит? - спросил он осторожно.

- Нет, - быстро сказала Яся, грозно обернувшись на кота. - То есть да. Но только иногда. И только умные вещи. А так он молчит, как и все обычные коты, если конечно кот хочет чтобы его и дальше продолжали кормить.

- Давать пароль от домашней сети не слишком умные вещи? - хмыкнул Иван.

- Ну знаете, - дипломатично ответила Яся. - Здесь воздух

такой ну, магический, расслабляющий. А он ещё ночью шампиньонов забродивших наелся, вот и несёт знания в массы.

Иван, к её удивлению, не стал спорить. Он вообще не выглядел удивлённым - скорее, заинтересованным. Как биолог, который нашёл новый вид бабочки и теперь пытается понять, к какому подвиду её отнести и как систематизировать.

- А вы, Ярослава, - сказал он, - значит родственница той женщины, которая здесь раньше жила? Пожилой совсем Ядвиги Ивановны? Её ещё в округе за глаза бабой Ягой звали. Извините.

Сердце Яси ёкнуло. Так, значит, прабабка была известной личностью не только в магическом мире, но и среди людей?

- Она была моя прабабка, - сказала она осторожно. - Я недавно только о ней узнала, уже когда она умерла. Я пришла вступить в наследство.

- Сочувствую, - искренне сказал Иван. - Хорошая была женщина. Лес знала, как свои пять пальцев. Я к ней иногда приходил за советами. Она и травы подобрать могла, и животных лечила. И ворон у неё был такой, старый-престарый. Карл Карлович, кажется.

Кот хмыкнул, но промолчал.

В этот момент из огромного дупла ближайшего к дому старого кряжистого дуба, высунулась голова. Бородатая. В очках, которые светились тусклым зелёным светом. И с наушниками, из которых доносилась музыка - что-то среднее между техно-трансом и григорианским хоралом.

- Баюн, - сказала голова злым голосом, - я тебя предупредал: не трогай мой грибной сервер своими кривыми лапами. Я за две тысячи километров отсюда увижу, что кто-то скачал и раздавал с него торренты, а потом пробовал на нём биткойны майнить.

- Я не качал, - ответил Кот, невинно моргая. - Я просто смотрел стрим с рыбалки.

- Стрим с рыбалки не потребляет трафик, как стадо мамонтов! - голова вылезла из дупла целиком. - Я же тебе говорил: у нас не безлимит! Лесная сеть - это вам не городской провайдер, у неё тоже есть пределы!

Из дупла наконец выбрался мужчина. Высокий, худощавый, с бородой, заплетённой в мелкие косички, в которые были вплетены странные артефакты - мелкие флешки, светодиоды и перья. Одет он был в толстовку с капюшоном, но толстовка была сшита не из обычной ткани, а из чего-то, что на первый взгляд напоминало крапивное волокно - серо-зелёное, с живым переливом, будто само меняло цвет под настроение хозяина. На ногах - резиновые сапоги, но не простые, а с нашитыми на голенища панелями солнечных батарей.

Спиридон - потому что это, конечно же, был он - устался на Ясю сквозь очки в роговой оправе. Изнутри очков что-то мигало - то ли интерфейс, то ли просто так переливалось.

- Ярослава? - спросил он. - Седьмая Яга? Я Спиридон. Для своих - просто Леший. Очень приятно. Но сначала - дайте

мне устранить последствия творчества этого пушистого деструктивного элемента. - Он кивнул на Кота. - А потом я посмотрю вашу избушку. У неё, мне доложили, хромает нога.

Яся кивнула. Иван, который замер с выражением человека, который не знает, что делать: то ли удивляться, то ли звонить в психиатрическую лечебницу, то ли просто сесть на пенёк и заплакать - медленно произнёс:

- Леший? Вы - Леший?

- В некотором роде, - ответил Спиридон, вынимая из кармана маленький ноутбук и быстро открывая какую-то программу. - Если вы спрашиваете о мифологическом аспекте, то да, я хранитель леса. Если о юридическом - у меня есть лицензия на ведение лесного хозяйства и сертификат соответствия экологическим стандартам ISO 14001. Если о техническом - я администратор лесной сети. А вы, простите, кто будете?

- Иван Залесский, - повторил тот. - Лесник. Ветеринар. Просто человек.

- Коллеги значит. Очень приятно, - Леший кивнул, потом подумав, добавил: Иван, тут такое дело, раз уж познакомились, и в некотором роде коллеги, то Вы должны знать, что место тут особенное. И избушка эта и лес наш вокруг, он одновременно сразу в двух мирах расположен. Я за лесом с той стороны присматриваю, а вы значит с этой. Ну и соответственно раз ткань мироздания в этом месте совсем истончилась, то имеется возможность обитателям из мира в мир

попадать, это вот к Яге пожалуйста за подробностями, а нам с вами, людям или не совсем людям но при службе, открывается возможность использовать достижения современных технологий в связке с магическим полем.

Иван, почти с открытым ртом слушал рассказ лешего, который меж тем продолжал: - Мы с Вами обязательно еще общаемся, и я Вам подробнее всё расскажу, да и контактами обменяемся, я тут нашёл способ как по сетке грибного мицелия сигнал между мирами передавать можно. А сейчас, простите работа.

Леший закрыл ноутбук и перевёл взгляд на избушку. - Ну что, красавица, показывай, что у тебя болит.

Избушка скрипнула - жалобно, по-девчоночьи - и приподняла правую заднюю ногу, как собака, которая хочет, чтобы хозяин пожалел её больную лапу.

- Масло из мухоморов, - констатировал Леший, осмотрев сустав. - Прошлый век. Жирность не та, вязкость низкая. И, судя по низкому уровню, туда ещё и кот свой нос засовывал.

- Не засовывал, - буркнул Кот. - Я всего один раз

- Я вижу ворсинки чёрной шерсти, Баюн. Не ври.

Спиридон открыл рюкзак, который, казалось, был набит под самую маковку - оттуда торчали оптоволоконные кабели, сушёные грибы, банка с надписью «Графитовая смазка (наночастицы серебра)» и странный прибор, похожий на гибрид шуруповёрта и веника.

- Сейчас поставим, - сказал он, нажимая на кнопку при-

бора. Тот зажужжал, засветился синим - и из него потекла густая, чёрная, поблёскивающая паста прямо в маслёнку избушки.

- Что это? - спросила Яся.

- Графитовая смазка, - ответил Леший, не отрываясь от дела. - С наночастицами серебра. Лучшее средство для ходовой части любого ходячего строения. Не боится воды, не густеет на морозе, не привлекает муравьёв. И кот её не пьёт - ей-богу, проверял.

- Ну сколько повторять, я тогда просто язык макнул, пробовал на вкус, - обиженно сказал Кот. - Ничего не пил.

Избушка издала звук - что-то среднее между вздохом облегчения и урчанием довольного трактора. Нога перестала скрипеть. Наоборот, она плавно, без единого звука, опустилась на землю, и избушка даже немного присела, проверяя амортизацию.

- Спасибо, Спиридонушка, - сказала она ласково (динамик на этот раз звучал как старый радиоприёмник, поймавший волну романтики). - Как молодая себя чувствую! Хоть пляши!

- Не пляши, - строго сказал Леший. - Смазке надо втереться. Через час - танцуй. А пока - дай мне посмотреть твою сетевую карту. У меня вчера пакеты терялись на твоём участке.

Он вынул из рюкзака ещё один прибор - поменьше, с кабелем, и подошёл к бревну нижнего венца, которое провернувшись на полоборота открыла доступ к разъёмам. Он су-

нул в гнездо кабель, на экране появились какие-то графики, больше похожие на кардиограмму умирающего пациента.

- Так и есть, - пробормотал Леший. - Помехи от кикиморского Wi-Fi. Она себе роутер в тину закопала, сигнал идёт через болото, создаёт интерференцию с твоей избушкой. Сейчас перенастроим частоту.

Яся смотрела на всё это и чувствовала, что её мозг медленно, но верно переходит в режим «А что, так можно было?». Леший с ноутбуком. Избушка с сетевой картой. Кот, который пьёт смазку и смотрит стримы с рыбалки. И ветеринар-лесник, который стоит в трёх метрах и, кажется, совсем не думает о том, чтобы сделать себе инъекцию чего-нибудь антигаллюциногенного, ну или хотя бы валерьянки.

- Вы очень хорошо держитесь, как у Вас это получается? - спросила Яся у Ивана.

Тот пожал плечами.

- Я работаю в этом лесу пять лет, - сказал он. - Я видел лося, который ходил и распевал матерные частушки про любовь. Я видел белку, которая сидела и что-то программировала на планшете. Я видел, как грибы растут быстрее бамбука и при этом светятся в темноте и мигают как лампочки на роутере. Так что говорящий кот и дом на ножках - это ещё цветочки. Ягодки будут, когда вы увидите, как водяной танцует тверк на плоту.

- Тверк? - переспросил Кот, внезапно оживившись. - Водяной? Я должен это видеть. У него все движения получают-

ся, когда он в своей стихии?

- Я не большой знаток тверка, но какие-то движения у него определённо получаются, - подтвердил Иван. - Но лучше не смотреть, если вы не готовы к психологической травме.

Яся вдруг рассмеялась. Громко, свободно, так, как не смеялась уже очень давно - наверное, с тех пор, как в прошлом году на корпоративе Борис Борисович надел шапку Деда Мороза, вышел к микрофону и тонким фальцетом спел «В лесу родилась ёлочка».

Иван посмотрел на неё, улыбнулся - открыто, по-доброму.

- Вам здесь нравится? - спросил он.

- Похоже, что да, - ответила Яся. - Хотя я ещё не до конца поняла, что происходит.

- Это нормально, - сказал кот, который, оказалось, внимательно слушал их разговор. - У нас тут многие ничего не понимают. Даже леший иногда говорит: «Я ничего не понимаю, я просто настраиваю роутер».

- Это был один раз, - донёсся из-под избушки голос Спиридона. - Когда мицелий дал сбой после грозы. Не берите в пример.

Тем временем Леший закончил перенастройку, вылез из-под дома, отряхнул толстовку и подошёл к Ивану.

- Так, - сказал он, с интересом разглядывая лесника. - Вы говорите, что видели программирующую белку? На каком языке?

- Наверное, на беличьем, - усмехнулся Иван. - Но она

строчила код так быстро, что я не успел разобрать синтаксис. Могу показать вам её дупло. Если вы обещаете не перехватывать её сигнал.

- Идём, - Леший вдруг оживился по-настоящему, в его глазах (вернее, в очках) загорелся азартный зелёный свет. - Белка, которая программирует? Это может быть прорыв в области магическо-технического интерфейса. Я давно ищу способ, чтобы лесные животные могли поддерживать сеть и пользоваться интернетом без посредников.

Они отошли в сторону - высокий, бородатый Леший в крапивной толстовке и спокойный, уверенный лесник в камуфляже. Они о чём-то заговорили, жестикулируя; Спиридон показывал на своём ноутбуке какие-то схемы, Иван кивал и задавал вопросы.

Яся осталась на крыльце с Котом.

- Ну как тебе наш леший? - спросил Кот.

- Странный, - честно сказала Яся. - Но, кажется, очень хороший специалист.

- Он гений, - лениво сказал Кот. - Но ему не хватает гибкости. Он мыслит в рамках системы. Он принял технологии вашего мира, восхитился ими, и везде их использует. А иногда, чтобы решить проблему, надо не аккуратно настраивать протоколы, а просто пнуть оборудование ногой. Он этого не понимает.

- И ты, конечно, понимаешь.

- Я кот, - ответил Баюн с достоинством. - Мы понимаем

всё. Просто делаем вид, что нам всё равно, чтобы нас никто не напрягал.

Яся посмотрела на лес. На сосны, уходящие в небо. На тропинку, которая вела от избышки к озеру - туда, где жил водяной. На Ивана, который стоял в лучах майского солнца и жестикулировал, рассказывая Лешему про белку.

Удивительно, подумала она. Ещё вчера я была офисным планктоном, самой главной задачей которого было сделать баннер про безотходную колбасу. А сегодня я живу в доме, который может ходить и даже бегать, дружу с котом-психологом, слушаю советы древнего ворона, и ко мне в гости приходят настоящий Леший и подозрительный лесник-ветеринар, который, кажется, еще и очень стрессоустойчивый.

«И этот ветеринар, - добавила её внутренняя романтическая половина, - ещё и красивый. Очень красивый. И пахнет лесом. И смотрит так, что хочется немедленно предложить ему чаю с морошкой и рассказать всё-всё-всё про порталы в шкафу и кикимор с бессонницей».

- Не советую, - сказал Кот, как будто прочитав её мысли.

- Что не советую?

- Влюбляться в двуногих, - ответил Кот, поднимаясь и потягиваясь так, что хрустнули позвонки. - Они быстро стареют и умирают. А мы, коты, остаёмся. И страдаем.

- Ты - кот, - сказала Яся. - Ты не можешь страдать, у тебя нет чувств.

- Это ты так думаешь, - обиженно сказал Баюн. - А вчера,

когда ты спала, я тихонько плакал в подушку, потому что вспомнил свою первую хозяйку. Она была дочкой мельника во Франции. Кормила меня сёмгой и читала мне вслух стихи. А потом эта маленькая девочка умерла. И я остался один. На триста лет.

- Ты серьёзно?

- Нет, - фыркнул Кот. – Её на костре сожгли уже в достаточно зрелом возрасте, она прокляла тот город, и там все вымерли от чумы. Я просто хотел, чтобы ты меня пожалела и дала ещё лосося. Но по сути - да, всё серьёзно. Мы, магические коты, долго помним. Поэтому - будь осторожна. И не вздумай влюбиться в первого встречного лесника. Даже если у него красивые глаза и он умеет разговаривать с белками.

- Он не разговаривает с белками, - возразила Яся. - Он просто наблюдает за ними.

- Ага, - Кот прищурился. - Так же, как ты сейчас наблюдаешь за ним.

Яся покраснела и отвернулась.

- Иди уже, проверь, не сбежали ли пиявки из банки, а то у них такой вид, что они и крышку открутить догадаются, - буркнула она. - У тебя тоже есть работа.

- Работа у меня - быть красивым и сытым, - ответил Кот, спрыгивая с крыльца. - А всё остальное - это так, хобби.

Он удалился в сторону леса, грациозно переставляя лапы и даже не глядя на Ивана. Но Яся заметила, что перед тем, как скрыться в кустах, Кот всё-таки бросил короткий взгляд

на лесника - оценивающий, как у сводницы на смотринах.

«Одобрил, - поняла Яся. - Или не одобрил? С этими ко-
тами никогда не разберёшь».

Она вздохнула, поправила выбившуюся прядь и пошла в дом - ставить чайник. Потому что, если уж к тебе пришли Леший и ветеринар, а избушка только что получила новую смазку с наночастицами, то самое время предложить гостям чаю. С мятой. И пирогами с брусникой, которые, она была уверена, избушка уже испекла - просто потому, что чувствовала настроение хозяйки.

Так и оказалось: на столе, накрытом льняной скатертью, дымился свежезаваренный иван-чай, стояла вазочка с брусничным вареньем и тарелка с пирогами - румяными, рассыпчатыми, от которых шёл пар.

- Спасибо, - прошептала Яся, обращаясь к стенам.

- Всегда пожалуйста, - отозвалась избушка. - Я, знаешь, умею не только ходить, но и готовить. Прабабка научила. Она говорила: «Гостей без пирогов не отпускай, даже если эти гости – ведьмы проверяющие из Нави». Мудрая была.

Через десять минут Яся, Леший и Иван сидели за столом, пили чай и обсуждали строки беличьего кода. Иван - с удивлением, Спиридон - с азартом, а Яся - с чувством, что она, кажется, наконец-то вернулась домой. В настоящий дом, где можно быть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.